МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт: Юридический

Кафедра: «Государственно-правовые дисциплины»

Направление подготовки (специальность): 40.03.01 Юриспруденция

Профиль: Правозащитная деятельность

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему Принципы международного права, их реализация и перспективы развития

Студент (ка) 15зююм52 (номер группы) _____ (подпись, дата) Любавина Ольга Геннадьевна (фамилия, имя, отчество полностью)

Научный руководитель к.и.н., доцент (должность)

ПГУ (наименование организации) _____ (подпись, дата) Логачева Н.В. (фамилия, инициалы)

Консультанты:

по _____ (наименование раздела, звание, должность) _____ (подпись, дата) _____ (фамилия, инициалы)

по _____ (наименование раздела, звание, должность) _____ (подпись, дата) _____ (фамилия, инициалы)

по _____ (наименование раздела, звание, должность) _____ (подпись, дата) _____ (фамилия, инициалы)

Нормоконтролер: к.и.н., доцент (должность) _____ (подпись, дата) Логачева Н.В. (фамилия, инициалы)

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от 22.05 № 11)

Заведующий кафедрой _____ (подпись) Романовская О.В. (фамилия, инициалы)

Работа защищена с отметкой _____ (протокол заседания ГЭК от _____ 201 г. №___).

Секретарь ГЭК _____ (подпись) Вдовина Т.Е. (фамилия, инициалы)

Пенза 2020

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Юридический факультет

Направление «Юриспруденция»

УТВЕРЖДАЮ

Зав. Кафедрой ГПД

_____/Романовская О.В./

_____ 2020 г.

ЗАДАНИЕ

на выпускную квалификационную работу студента гр.№ 15зюю52

Любавиной Ольги Геннадьевны
(фамилия, имя, отчество)

1. Тема работы Принципы международного права, их реализация и перспективы развития

2. Научный руководитель к.и.н., доцент Логачева Н.В.

3. Дата выдачи задания: 20.04.2020

4. Срок сдачи студентом законченной работы: 31.05.2020

5. Перечень подлежащих разработке вопросов:

- понятие и сущность принципов международного права;
- классификация принципов международного права;
-реализация принципов международного права в условиях глобализации;
-проблемы механизма реализации конституционных предписаний о включении в правовую систему России общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации;
-проблемы реализации права народов на самоопределение в контексте принципа территориальной целостности государств.

6. Консультанты по работе, с указанием относящихся к ним разделов работы

Раздел	**Консультант**	**Подпись, дата**	
		Задание выдал	**Выполненное задание принял**
Введение		20 апреля 2020 Логачева Н.В.	29 апреля 2020 Логачева Н.В.
Общие положения о принципах международного права и их реализация в правовой системе Российской Федерации		29 апреля 2020 Логачева Н.В.	8 мая 2020 Логачева Н.В.
Проблемы реализации принципов международного права и перспективы развития		8 мая 2020 Логачева Н.В.	19 мая 2020 Логачева Н.В.
Заключение		19 мая 2020 Логачева Н.В.	31 мая 2020 Логачева Н.В.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ…… 5

1 ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ПРИНЦИПАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ…….. 8

1.1 Понятие и сущность принципов международного права……... 8

1.2 Классификация принципов международного права……... 19

1.3 Реализация принципов международного права в Российской Федерации…… 26

2 ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ…… 35

2.1 Проблемы реализации принципов международного права в условиях глобализации……... 35

2.2 Проблемы механизма реализации конституционных предписаний о включении в правовую систему России общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации…….. 43

2.3 Проблемы реализации права народов на самоопределение в контексте принципа территориальной целостности государств…… 51

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…… 58

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ…… 63

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования принципов международного права и их реализации и перспектив развития проявляется в том, что на современным этапе развития общественных отношений можно признать, что наступил кризис соблюдения общепризнанных принципов и норм международного права. Указанное обстоятельство позволяет говорить о необходимости научного осмысления состояния и проблем правового обеспечения реализации и соблюдения общепризнанных принципов международного права с целью определения дальнейших перспектив их развития.

Эффективность правового регулирования данной сферы, спорные вопросы правоприменительной практики, позволяют говорить о наличии проблемы регулирования данных отношений. Высокая значимость данного института в обществе приводит к необходимости защиты как самого общества, так и государства от всевозможных коллизий и пробелов законодательства в данной области.

Институт международного права, в целом, а также проблемы реализации принципов международного права, в частности, стали объектом исследования многих отечественных ученых, среди которых необходимо выделить: А.А. Лихолетова, Е.В. Медведева, Н.Н. Надежина, А.А. Павлова, Н.В. Панову, М.Н. Попова, Д.В. Прохоренко, А.Ф. Пьянкова, И.М. Середу, А.А. Соловьева, С.В. Суханова, Т.Д. Устинову, Е.В. Хромова, С.А. Чернякова, Ю.В. Чукичева, М.Д. Шапсугову, С.А. Щеглову и других отечественных деятелей юриспруденции.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией и соблюдением общепризнанных принципов международного права.

Предметом исследования нормативно-правовые акты, регулирующие общественные отношения, возникающие в связи с реализацией и соблюдением общепризнанных принципов международного права, а также

правоприменительная практика в данной области.

Цель работы заключается в актуальном анализе проблем и противоречий общественных отношений, возникающих в связи с реализацией и соблюдением общепризнанных принципов международного права.

Задачами исследования выступают:

- определение понятия и сущности принципов международного права;

- анализ классификации принципов международного права;

- исследование реализации принципов международного права в Российской Федерации;

- выявление проблем реализации принципов международного права в условиях глобализации;

- выявление проблем механизма реализации конституционных предписаний о включении в правовую систему России общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации;

- выявление проблем реализации права народов на самоопределение в контексте принципа территориальной целостности государств.

Материалы данной работы могут быть использованы при чтении лекционных курсов и в практике преподавания курса международного права, при подготовке учебных и методических пособий для студентов и преподавателей. Материалы работы могут быть полезны при подготовке к научным конференциям и семинарским занятиям, в написании рефератов, курсовых и дипломных работ, а также статей.

В работе использовался широкий круг источников и литературы, касающихся вопросов общественных отношений, возникающих в связи с деятельностью органов внутренних дел в особых условиях.

Методологическая база исследования сформировалась в результате изучения и использования большого теоретического и практического материала, нормативно-правовых актов, официальных документов, литературных источников и публикаций. Это вызвало необходимость

применения разнообразных методов исследования, в числе которых системный, конкретно-исторический, структурно-функциональный, поисковый, а также метод сравнительного правоведения.

Структура работы продиктована целью и задачами исследования. Настоящая работа состоит из введения, двух разделов, заключения, списка использованных источников.

1 ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ПРИНЦИПАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Понятие и сущность принципов международного права

Следуя Конституции Российской Федерации[1], категорию общепризнанных принципов и норм международного права активно применяет в своей деятельности Конституционный Суд Российской Федерации. При этом необходимо отметить новые характерные черты и тенденции правоприменения в рамках обращения КС РФ к определенным аспектам международного права. Речь идет как об общем восприятии и интерпретации им соответствующих международно-правовых понятий, так и о его явных попытках «сказать свое слово» в вопросе дифференциации и уточнения содержания международно-правовых терминов, используемых больше даже не в российской, а в зарубежной юридической действительности, - в частности, понятия jus cogens. Конечно, этому есть свое объяснение, заключающееся в том, что ни до, ни после Конституции 1993 г. позитивное право и даже доктрина не предложили удовлетворительного определения понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права», которое, помимо всего прочего, не выступает единственным в арсенале международно-правовой теории и практики. Очевидно, вследствие этого судебные инстанции, призванные осуществлять деятельность в сфере правоприменения, вынуждены заниматься интерпретацией закрепленного в законодательстве понятия.

Неординарным в этом отношении является Постановление КС РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

в соответствии с Конституцией Российской Федерации по делу «ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации». Решая, равно как и ранее в своем Постановлении 2015 г., главный вопрос - о допустимости исполнения Россией Постановления ЕСПЧ, - Конституционный Суд и в части позиции большинства судей, и в особых мнениях проявляет нетривиальный подход к общепризнанным принципам и нормам международного права, рассматривая их через призму jus cogens. Между тем, оценивая это, следует исходить из ключевого обстоятельства, связанного с тем, что различия в подходах к понятию jus cogens не исчезли, но, напротив, вызывают споры даже в процессе работы Комиссии международного права ООН (далее также - Комиссия, КМП ООН). В частности, иллюстративна негативная реакция прежде всего Франции в отношении jus cogens, заявленная в свое время в ходе подготовки Венской конвенции 1969 г., возражения которой против темы не исчерпаны и сохраняют действительность также и на нынешнем этапе. Актуальные материалы КМП ООН свидетельствуют о том, что есть государства, настаивающие на иной формулировке темы - «императивные нормы международного права (jus cogens)», а другие против этого не возражают[1].

Следовательно, это должно было бы заставить проявить некоторую долю осторожности при подходе и оперировании рассматриваемым термином. Так, в особом мнении судьи К.В. Арановского, которое служит неотъемлемой частью материалов рассмотрения дела, имеется ряд тезисов, которые трудно игнорировать в научном плане, ибо они являются по крайней мере небесспорными или требуют уточнения. Во-первых, к ним относится, с одной стороны, ничем не подкрепленный перенос на конструкцию «общепризнанных принципов и норм международного права» дефиниции, зафиксированной в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., касающейся императивных норм (jus cogens), а с другой -

[1] Ануфриева Л.П. Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права» и jus cogens // Lex russica. 2018. № 12. С. 37 - 47.

механическое присоединение к этому элементов определений общепризнанных принципов и норм, представленных в Постановлении Пленума ВС РФ от 10 октября 2003 г. № 5: «Под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо. К общепризнанным принципам международного права, в частности, относятся принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств. Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного. Содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений». Здесь обращает на себя внимание текстуальное воспроизведение соответствующих положений как международного договора - Венской конвенции, так и Постановления Пленума ВС РФ 2003 г. без анализа их содержания, особенно последнего фрагмента. Разграничение между «общепризнанным принципом» и «общепризнанной нормой» в акте высшей судебной инстанции России строится, как видно, по вектору юридической обязательности. Однако «принцип» - это «принимаемое и признаваемое международным сообществом» правило, отклонение от которого недопустимо», а «норма» - правило, «принимаемое и признаваемое международным сообществом» в качестве юридически обязательного. В чем, спрашивается, разница? Разве от предписания, имеющего «юридически обязательный характер», можно отступить? Ответ не дается ни в самом особом мнении, ни в аналитических материалах, включая и постулаты доктрины[1].

[1] Исполинов А.С. Нормы jus cogens в решениях национальных и международных судов // Российский юридический журнал. 2014. № 6 (99). С. 7 - 14.

Во-вторых, в ссылке на ст. 53 Венской конвенции, содержащую дефиницию императивной нормы - jus cogens, упускаются существенные моменты, о которых говорят либо сама Конвенция, либо дебаты в КМП ООН в ходе работы над темой. Первый момент состоит в том, что идентификация норм jus cogens - это сложный процесс. В комментариях к проекту статей Венской конвенции о праве договоров 1966 г. (ст. 50) Комиссия отмечала, что не существует единичного критерия, с помощью которого можно определить норму jus cogens.

Второй момент связан с функциональной природой определения, подразумевающей, что закрепленный подход диктуется целями и потребностями международного договора. «Служебный» характер признаков и содержания jus cogens, данных Конвенцией, сохраняет свое значение и сегодня, так как более общей дефиниции, пригодной не только для права международных договоров, но и для международного права в целом, не выработано по сию пору. Вместе с тем сказанное отнюдь не означает, что если предмет выходит на масштабы всей системы международного права, стоит игнорировать то, что зафиксировано в упомянутой дефиниции. В то же время в подлежащих случаях непременно нужно принимать в расчет определенную ее ограниченность. Таким образом, моделирование общепризнанных принципов и норм международного права по алгоритму их тождественности jus cogens на базе положений Венской конвенции по меньшей мере должно было бы осуществляться именно подобным образом, причем с учетом указанных тонкостей понимания соответствующих явлений, mutatis mutandis дифференцируемых, но этого не было сделано в рассматриваемом особом мнении[1].

В дополнение к сказанному отметим наличие в нем расширительной интерпретации квалификации как jus cogens, так и «общепризнанных принципов и норм» международного права. В частности, К.В. Арановский

[1] Переплеснина Е.М. Механизм реализации конституционных предписаний о включении в правовую систему России общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации // Международное публичное и частное право. 2019. № 3. С. 38 - 42.

считает, что существует такой частный случай «общепризнанных принципов», как принципы «справедливого правосудия», которым Россия должна следовать как нормам jus cogens. Спрашивается: чем доказывается, что а) есть такой принцип в международном праве и б) он составляет норму jus cogens; о каких нормах jus cogens идет речь - внутригосударственного права или международного? Нелишне будет также заметить, что приведенное суждение оставляет за рамками главный момент, если, конечно, подразумевается jus cogens в международно-правовом смысле: в каких конкретных источниках международного права (ведь вопрос касается именно «общепризнанных принципов международного права»!) объективированы указанные принципы? К тому же центральным пунктом выступает «общий ответ», сформулированный в особом мнении судьи КС РФ, который не может быть принят в качестве надлежащего, поскольку в нем предполагается, что «эти принципы действительны безотносительно к тому, как они изложены и в каких источниках - конституционных или международных, основных или вспомогательных...». Фактически же наивысшая юридическая сила принципов международного права зависит не просто от иерархического уровня источника права, в котором воплощены соответствующие нормы: договоры либо обычаи (о так называемых «вспомогательных» источниках международного права говорить попросту не приходится ввиду отсутствия в последнем деления их на «основные» и «вспомогательные» согласно «классической» теории международного права[1]), - но, как свидетельствует доктрина и практика позитивного права, от множества иных факторов. На первом месте в этом ряду стоят важность для мира и международного сообщества благ, защищаемых предписаниями принципов, всеобщее (англ. general - общее) признание и согласие субъектов международного права в отношении их существования, а также заинтересованность в их поддержании и дальнейшем развитии в этом качестве. В связи с этим требуется подчеркнуть важный момент, состоящий в

[1] Ануфриева Л.П. Понятие «источник права в международно-правовой науке»: догма «классики» и современная доктрина // Современное международное право: теория и практика = Contemporary international law: theory and practice / Под ред. Б.М. Ашавского. М.: Оригинал-макет, 2015. С. 39 - 53.

том, что порой в публикациях на тему принципов международного права отсутствует разграничение и надлежащее понимание «классических» опорных категорий науки права в части понятия «принцип» (норма и форма/источник права, соотношение нормативного и идейного в юридическом содержании и др.), а иногда присутствует бездумное воспроизведение некоторых «утверждений-мифов» (о сущности принципов и «принципах-нормах и принципах-идеях», о юридическом значении, месте, об эволюции и о соотношении с договором обычая в международном праве и т.д.): «...формальное разделение между принципами-нормами и принципами-идеями в международном праве отсутствует, тем более что значительная часть правил международно-правового обычая рано или поздно воспринимается договорами, заключаемыми государствами. Таким образом, под общепризнанными принципами и нормами международного права следует понимать конкретные идеи, получившие признание большинства государств, предназначенные для использования всеми государствами мира и являющиеся нормативной основой их взаимодействия»[1]. Разумеется, представленные позиции неприемлемы вследствие прежде всего противоречия основополагающему тезису: принципы в международном праве - всегда нормы, к тому же руководящие, основополагающие, определяющие строй всей его системы.

Дальнейшие соображения, формулируемые Особым мнением судьи КС РФ, не «рассеивают туман» в отношении и прочих теоретических сторон затронутого предмета. так, в тексте значится: «отступление от jus cogens может нарушать не только основы международного права, но и конституционные положения, которые эти основы признают». Нет нужды повторять, что системы международного и внутригосударственного права суть разные самостоятельные правовые системы, обладающие не только различными юридическими нормами, но и природой регулируемых

[1] Ордина О.Н. Международные акты, содержащие общепризнанные принципы и нормы международного права, как источники административного права // Административное право и процесс. 2015. № 3. С. 65.

общественных отношений (значит, и методами регулирования), а также субъектами права. Следовательно, данные системы в силу указанного не могут располагать одними и теми же принципами. Текстуальная (словесная) тождественность не ведет к юридической идентичности! Во внутригосударственном праве могут существовать (и издавна, кстати, существуют) свои императивные («когентные») нормы, jus cogens в национальном праве не совпадает с jus cogens в международном праве. Является безусловным, что нарушение конституционной нормы не влечет автоматической квалификации этого как отклонения от jus cogens в смысле международного права, ибо последнее некомпетентно регулировать внутригосударственные отношения, а конституционное право и основной закон государства - его конституция - как раз и имеет своим предметом данный тип общественных отношений. В то же время в международном праве возникает вопрос не только о «горизонтальном» (внутри самой системы международного права - по отношению к нормам международных договоров), но и о «вертикальном» (по отношению к нормам национального права) распространении влияния (преклюзивного значения) международно-правовых норм jus cogens[1]. Как пишет Т. Кляйнляйн, «императивные нормы jus cogens могут делегитимировать внутренний законодательный или административный акт, разрешающий запрещенное поведение. Однако обратный эффект не предусматривается - национально-правовое предписание (даже и конституционно-правовое) не может легитимировать поведение, если с точки зрения императивной нормы международного права (jus cogens) оно противоправно. Излишне подчеркивать, что приведенные положения анализируемого особого мнения, будучи весьма прямолинейными, не учитывают всей сложности предмета, коим выступают нормы jus cogens.

Между тем в Конвенции 1969 г. о праве международных договоров, чему следует и нынешняя разработка темы Комиссией международного права ООН,

[1] Исполинов А.С. Нормы jus cogens в решениях национальных и международных судов // Российский юридический журнал. 2014. № 6 (99). С. 7 - 14

предусматривается не один, а несколько важнейших критериев данного понятия:

- императивные нормы - это нормы общего международного права;

- императивные нормы признаются международным сообществом государств в целом;

- отклонение от императивных норм недопустимо, но их изменение возможно исключительно в силу последующей нормы такого же характера (ст. 53).

Все перечисленное нуждается в конкретизации с юридических позиций. Вместе с тем необходимо заметить, что проблема jus cogens носит самостоятельный характер, очевидно превосходящий рамки одной статьи, в пользу чего говорит растущий объем юридических изданий, посвященных ей. Следует сразу подчеркнуть также и сложность решения задачи: недаром за всю историю своей деятельности Комиссия международного права ООН неоднократно обращалась к предмету, причем поэтапно, что не только доказывает неисчерпаемость темы, но и свидетельствует о юридических трудностях исследования. Последний из этапов - целенаправленная разработка ею одноименной темы в современный период.

Небольшой экскурс в результаты работы КМП ООН полезен во многих отношениях, но особенно для настоящего, поскольку позволяет увидеть некоторые неточности или схематизм в подходах к общепризнанным принципам и нормам международного права, его принципам вообще и к императивным нормам международного права в целом. Дело в том, что зачастую между общепризнанными принципами и нормами и jus cogens, с одной стороны, и между основными принципами международного права и jus cogens, с другой стороны, безоговорочно ставится знак равенства[1]. Тем самым подразумевается синонимичность терминов и, в свою очередь, выводится заключение о тождественности понятий «общепризнанные принципы и

[1] Абашидзе А.Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 19 - 29.

нормы» и «основные принципы» международного права. Но каковы подтверждения подобной гипотезы? Пожалуй, своеобразным ответом будет служить признание, что редко кто в науке международного права занимался этим специально.

В данном случае приведена далеко не полная картина разнообразия, встречающегося в международно-правовой теории и практике применительно к понятиям, предназначенным опосредствовать руководящий характер предписаний. В этом плане целесообразно упомянуть не только об «общих принципах права», но и об «общем международном праве», «общих многосторонних договорах», а вместе с ними и о «принципах общего международного права», которые так или иначе в разное время стояли в круге внимания как отдельных ученых, так и всей Комиссии международного права ООН.

Что касается определений отдельных понятий, то А.Х. Абашидзе, например, так подходит к некоторым из позиций, присутствующих в перечне: «Под «общепризнанными принципами международного права» в доктрине международного права, как в западной, так и в отечественной, понимаются «общие принципы международного права» или «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», которые нередко именуются основополагающими»[1]. Думается, в приведенном выводе вполне очевиден элемент преувеличения и неточности или даже искажения состояния дел как в науке, так и в практике. Прежде всего следует сказать, что в отношении этого нет единства ни в отечественной, ни в западной науке. Показательно в этом плане сравнение цитируемого определения с соображением, высказанным еще Х. Лаутерпахтом, который рассматривал jus cogens «как конституирующие принципы международной политики и публичного порядка и формирующие часть таких принципов права, которые являются общепризнанными со стороны цивилизованных наций». Несмотря на кажущуюся схожесть,

[1] Абашидзе А.Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 19 - 29.

полагаем, что специалистам очевидны кардинальные различия между двумя позициями.

Во-вторых, соответствующим индикатором отсутствия совпадения позиций государств выступает продолжающаяся по сей день и с новой силой разворачивающаяся дискуссия в Комиссии международного права ООН, в рамках которой вопрос о jus cogens не переводится в плоскость ни «основных принципов», ни «общепризнанных принципов и норм» международного права, ни его «основополагающих» норм или принципов. Вместе с тем трудно обойти молчанием факт, что Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., не используя понятие «основные принципы», в ст. 52 говорит о принципах международного права, воплощенных в Уставе Организации Объединенных Наций.

В порядке общей кодификации международно-правовых норм в ходе работы над темой jus cogens КМП ООН недвусмысленно констатировала критерии jus cogens, уточнив при этом первый признак, отличительной чертой которого выступает принадлежность к «общему международному праву», отчетливо продемонстрированный в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Вторым не менее существенным свойством норм jus cogens служит наличие у них такого объекта, который обладает фундаментальной ценностью. В частности, в решении Международного трибунала по бывшей Югославии по делу «Обвинитель против Фуруджия», а также в Постановлении ЕСПЧ по жалобе «Аль-Адсани против Великобритании» подтверждается, что «существует очевидная связь между запретом пыток как нормы jus cogens с ценностью того блага, которую она защищает». При этом ни в одном из своих документов КМП ООН не ограничивала выводы, относящиеся к jus cogens, которые формулировались ею на основе анализа правового регулирования прав человека и основных свобод, в том числе и практики ЕСПЧ (ранее - Комиссии), «локализацией» именно в пределах сферы международной защиты прав человека. Напротив, вышеприведенное со всей убедительностью свидетельствует об

универсальности выкладок Комиссии, особенно в части, касающейся уровня ценности защищаемого блага. Запрет пыток, к примеру, является нормой jus cogens не как отраслевой принцип международной защиты прав человека, но входит неотъемлемой частью в универсальный (основополагающий, «уставный») принцип всей системы международного права - защиты прав человека. В то же время из этого следует, что не все и не всегда нормы jus cogens обладают необходимыми качествами, требующимися для выполнения функций принципов международного права, безоговорочно служащих особым структурным элементом системообразующего характера - всеобщими принципами, т.е. руководящими нормами для всей системы. Однако данный аспект, в свою очередь, образует самостоятельный предмет.

В завершение рассмотрения такого объекта, как «общепризнанные принципы и нормы международного права», в ходе которого выявлено отсутствие в нем универсальности ввиду существования лишь в определенном сегменте международно-правовых отношений, следует констатировать: даже предвзятому взгляду, думается, очевидно, что этот термин и само понятие не воспринимаются (по крайней мере сегодня) как устоявшаяся, приемлемая для всего международного сообщества и используемая им в качестве таковой категория международного права, уникальным (единственным) образом отражая сущность действующего международного права, на которой основаны единство и целостность всей международно-правовой системы, и являясь бесспорной. В свете этого возникает следующий вопрос: может ли в таком случае понятие jus cogens составить искомую альтернативу? Он будет сопровождаться отрицательным результатом, поскольку далеко не все нормы jus cogens, как было показано ранее, располагают требующейся универсальностью, выступают распространяющими свое действие на всю систему международного права, обладают соответствием критериям императивных предписаний и даже не всегда являются «когентными», причем и в случаях обращения к «основным принципам международного права», закрепленным в Уставе ООН. Вместе с тем игнорирование новых тенденций в

развитии понятийного аппарата науки международного права и в самом объективном праве со стороны основного закона одной из супердержав современности было бы ошибочным. Из этого следует необходимость введения в конституционные положения, касающиеся принципов и норм международного права, корректировок, так или иначе отражающих усвоение российской правовой системой процессов, происходящих в международно-правовой системе, прежде всего по их увязке с новой терминологией, получающей все большую востребованность со стороны действующего международного права, особенно в свете кодификации его норм. Неизбежными в такой ситуации будут потребности в профессиональном подходе к восприятию и толкованию появляющихся терминов и понятий, восходящих в своем генезисе к международному праву, в том числе и к jus cogens. С учетом этого оправданным будет выглядеть и соображение о необходимости усиления состава судейского корпуса, включая и Конституционный Суд РФ, опытными кадрами дипломированных юристов-международников.

Классификация принципов международного права

При толковании и применении принципов международного права важно помнить, что все они взаимно связаны и каждый из них дополняет последующие принципы и вытекает из них, что подчеркивает их важность и значимость в рамках международного сотрудничества государств независимо от различий политического, экономического и социального строя. Рассмотрим содержание основных принципов международного права подробнее.

Принцип суверенного равенства государств и уважения прав, присущих суверенитету. Согласно этому принципу, все государства в международных отношениях пользуются суверенным равенством, имеют равные права и обязанности и являются равноправными членами мирового сообщества. Понятие равенства означает, что:

- все государства юридически равны;

- все государства должны уважать правосубъектность других государств;

- все государства пользуются правами, присущими полному суверенитету. Они вправе самостоятельно решать вопросы об участии в международных конференциях и организациях, международных договорах и др.;

- территориальная целостность и политическая независимость государств неприкосновенны, государственные границы могут меняться лишь на основании договоренности и в соответствии с нормами международного права;

- государства свободно выбирают свои политические, экономические, социальные и культурные системы;

- государства обязаны добросовестно выполнять свои международные обязательства[1].

Принцип суверенного равенства относится к общепризнанным принципам международного права. В этом качестве он зафиксирован в ряде международных актов. В Уставе ООН определено, что в своей деятельности Организация и ее члены руководствуются принципом суверенного равенства всех государств - участников ООН. Данный принцип неразрывно связан с рядом других провозглашенных в Уставе принципов: добросовестного выполнения принятых на себя по Уставу обязательств; разрешения международных споров мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость; воздержания от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями ООН; оказания Организации всемерной помощи во всех действиях, предпринимаемых ею в

[1] Лукашук И. Международная безопасность государства и международное право // Безопасность Евразии. 2003. № 3. С. 1.

соответствии с Уставом, и воздержания от оказания помощи любому государству, против которого Организация предпринимает действия превентивного или принудительного характера; обеспечения того, чтобы государства, которые не являются членами Организации, действовали в соответствии с уже названными принципами, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности; невмешательства ООН в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, не требующего от членов Организации представлять такие дела на разрешение в порядке, предусмотренном Уставом, что не должно, однако, затрагивать применения принудительных мер в случаях угрозы миру, нарушения мира и актов агрессии[1].

В соответствии с принципом неприменения силы или угрозы силой все государства в международных отношениях обязаны воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности и политической независимости других государств или каким-либо иным образом, несовместимым с целями ООН. Государства на основе общепризнанных принципов и норм международного права должны добросовестно выполнять свои международные обязательства в отношении поддержания мира и безопасности. Угроза силой не должна применяться в качестве средства урегулирования споров между государствами. Агрессивные войны объявляются преступлениями против мира и человечества и влекут ответственность по международному праву. Запрещается также пропаганда войны.

Территория государства не может быть объектом приобретения другим государством в результате угрозы силой или ее применения. Никакие территориальные приобретения, являющиеся результатом угрозы силой, не признаются законными.

Государства также обязаны воздерживаться от репрессалий, связанных

[1] Тиунов О.И. Суверенное равенство государств в системе основных принципов международного права // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 5 - 21.

с применением вооруженных сил, от организации и поощрения иррегулярных сил или вооруженных банд, в том числе наемников, для вторжения на территорию другого государства. Государства обязаны воздерживаться от насильственных действий, лишающих народы права на самоопределение.

Согласно принципу мирного разрешения международных споров государства обязаны решать свои международные споры с другими государствами мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость. Споры государств должны разрешаться на основе принципа суверенного равенства, в соответствии с принципом свободного выбора средств разрешения спора и с учетом других принципов.

Международное право предоставляет государствам широкий выбор мирных средств разрешения международных споров. Споры могут разрешаться путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к международным организациям или иными средствами по выбору государств. Если стороны не разрешат спор одним из вышеуказанных средств, они должны стремиться к урегулированию разногласий другими мирными средствами. Важную роль в мирном разрешении международных споров играет ООН[1].

На основе принципа невмешательства во внутренние дела государств каждое государство имеет право самостоятельно выбирать свою политическую, экономическую, социальную или культурную систему без вмешательства со стороны других государств. В этой связи государства:

- не имеют права прямо или косвенно вмешиваться во внутренние или внешние дела другого государства;
- не должны поощрять подрывную деятельность, направленную на изменение строя другого государства путем насилия;
- а также не должны вмешиваться во внутреннюю борьбу в другом

[1] Фоков А.П. Современное понимание принципов международного права // Российская юстиция. 2016. № 7. С. 2 - 4.

государстве, воздерживаться от оказания помощи террористической или подрывной деятельности.

Однако принцип невмешательства во внутренние дела не является абсолютным. Он не затрагивает принудительных мер, применяемых по решению Совета Безопасности ООН для обеспечения международного мира и безопасности.

Принцип территориальной целостности государств. Государства должны уважать территориальную целостность друг друга и воздерживаться от любых действий, несовместимых с целями и принципами Устава ООН. Государства обязаны также воздерживаться от превращения территории друг друга в объект оккупации или мер применения силы в нарушение международного права. Никакая оккупация или приобретение территории таким образом не признаются законными.

Принцип нерушимости границ. Государства рассматривают как нерушимые все границы друг друга и границы всех государств в Европе и должны воздерживаться от любых требований или действий, направленных на захват части или всей территории другого государства.

Принцип уважения прав человека. Уважение прав и свобод человека - составная часть всеобъемлющей системы международной безопасности. Государства обязаны уважать права человека и основные свободы для всех, без различия расы, пола, языка или религии. Уважение прав человека является существенным фактором мира, справедливости и демократии, необходимых для дружественных отношений и сотрудничества между ними. Государства обязаны поощрять эффективное осуществление гражданских, политических, экономических, социальных или культурных прав и свобод, которые вытекают из достоинства, присущего каждой личности, и являются существенными для ее свободного и полного развития.

Реализация стратегии перехода к устойчивому развитию, осуществляемая как на национальном, так и международном уровне, порождает целую массу дискуссионных вопросов, начиная от проблемы

поощрения новых моделей бизнес-практик, новых требований к финансированию проектов в сфере развития с учетом их последствий для экологии и прав человека и заканчивая проблемой значения защиты прав интеллектуальной собственности для передачи «зеленых» технологий. Одновременно к числу наиболее дискуссионных вопросов относится соотношение международно признанных прав человека и устойчивого развития, которое находит свое осмысление как в зарубежной, так и отечественной юридической науке. Во многом это объясняется тем, что несмотря на то что международное право прав человека обладает весомым потенциалом для того, чтобы играть ключевую роль в данной сфере, связь между правами человека и вызовами, явленными устойчивым развитием, остается неясной. На наш взгляд, это связано с тем, что заявленная устойчивая траектория общецивилизационного развития призвана создать принципиально новые условия как для осуществления международно признанных прав и свобод человека, так и для нового этапа их развития.

В этой связи принцип всеобщего уважения и соблюдения прав и свобод человека, будучи одним из основополагающих принципов современного международного права jus cogens, должен пониматься, с одной стороны, как императив перехода к устойчивому развитию, а с другой - как цель и смысл устойчивого развития. В данном духе связь между правами человека и устойчивым развитием понимается на уровне международных организаций, государств и их региональных союзов. Так, в рамках ООН с 1998 года работа по интеграции прав человека в устойчивое развитие проводится Программой развития ООН (UNDP), которая придерживается правочеловеческого подхода к развитию (right-based approach to development). На уровне ЕС признается необходимость укоренения Стратегии устойчивого развития данного регионального союза государств в правах человека.

Вполне можно согласиться и с тем, что существующая связь между правами человека, окружающей средой и устойчивым развитием была в принципе недвусмысленно признана еще в конце 1960-х годов. Радикальное

переосмысление правочеловеческого измерения устойчивого развития произошло на встрече на высшем уровне по вопросам устойчивого развития (Йоханнесбург, 2002 г.). В п. 2 Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию была заявлена приверженность народов мира строительству гуманного, справедливого и заботливого глобального общества, которое осознает, что все нуждаются в человеческом достоинстве. Для современной доктрины прав и свобод человека характерно понимание того, что условием их наиболее полного и эффективного осуществления выступает устойчивость как особое качественное состояние общественных отношений на национальном и международном уровнях. В сущности, идея устойчивого развития предполагает переход к такой модели развития, которая способствовала бы созданию качественно иной среды претворения достоинства человеческой личности, ее прав и свобод[1].

Принцип права на самоопределение народов и наций. Все народы вправе свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и свое экономическое, социальное и культурное развитие. Реализация права на самоопределение включает в себя: создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, установление любого иного политического статуса, свободно избранного народом. Государства обязаны воздерживаться от любых насильственных действий, лишающих народы права на самоопределение.

Народы, осуществляющие самоопределение, вправе испрашивать и получать помощь в соответствии с целями ООН.

Принцип сотрудничества между государствами. Государства должны сотрудничать друг с другом в соответствии с целями и принципами ООН. Развивая сотрудничество, государства должны содействовать взаимопониманию и доверию, дружественным отношениям между собой,

[1] Шугуров М.В. Международно-правовой принцип всеобщего уважения и соблюдения прав человека как императив устойчивого развития // Международное публичное и частное право. 2016. № 2. С. 7 - 11.

повышать благосостояние народов.

В соответствии с принципом добросовестного выполнения международных обязательств государства обязаны добросовестно выполнять взятые на себя международные обязательства. При осуществлении своих суверенных прав, включая право устанавливать законы и административные правила, государства должны сообразовываться с их обязательствами по международному праву[1].

Современные ученые[2] на основании анализа теорий соотношения международного и национального права по вопросам применения общих принципов и норм международного права в правовой системе России исходят из того, что в правоприменительной практике высших судебных инстанций учитываются национальные интересы.

Реализация принципов международного права в Российской Федерации

Реализация общепризнанных принципов и норм международного права в национальном правовом регулировании для Российской Федерации явление относительно новое, эффективный механизм которого до конца не проработан. Однако, не вызывает сомнения, соблюдение требований международных стандартов защиты прав человека - важнейшая гарантия реализации прав участников уголовного судопроизводства и серьезный шаг в совершенствовании российской правовой системы.

Одним из самых фундаментальных общепризнанных мировым сообществом стандартов является право граждан на справедливое судебное разбирательство, поскольку без эффективной процедуры восстановления нарушенных прав все закрепленные в законодательстве права и свободы приобретают характер декларативных положений.

---

[1] Шелтон Д. Средства защиты прав человека в международном праве // Государство и право. 2004. № 3. С. 1.
[2] Виноградова П.А. Судебные правовые позиции по вопросам адаптации международных договоров в правоприменительной практике // Российская юстиция. 2015. № 4. С. 20 - 24.

Исходным законодательным источником данного требования стала преамбула Конституции Российской Федерации. Наряду с демократическими принципами построения современного российского общества, в ней указывается на веру в справедливость как на историческую традицию и неотъемлемую часть нравственной основы социальной организации в рамках новой российской государственности.

Признание высокого уровня обязательности стандартов справедливого судебного разбирательства объясняется абсолютным характером норм, конкретизирующих и раскрывающих данный стандарт. Так, не подлежат ограничению конституционное право каждого на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ), на защиту чести и достоинства личности, запрет на их умаление (ст. 21 Конституции РФ), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ст. 23 Конституции РФ), право на квалифицированную юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ), презумпция невиновности (ст. 49 Конституции РФ), право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53 Конституции РФ) и т.д. Объяснение абсолютного характера данных прав вытекает из текста ст. 56 Основного закона, где говорится о том, что даже в условиях чрезвычайного или военного положения в стране запрещается ограничивать данные права[1].

При реализации стандарта на справедливое судебное разбирательство в нашей стране принципиальное значение имеют следующие положения:

а) переход от декларативности права на справедливое судебное разбирательство в национальных нормативных правовых актах к его реальному обеспечению, в том числе путем совершенствования институтов и норм уголовно-процессуального права;

б) совершенствование механизма реализации положений данного

[1] Косолапов М.Ф. Заключительные замечания квазисудебных органов ООН по правам человека: правовой статус и значение для национальных правовых систем // Вопросы российского и международного права. 2017. № 3. С. 262 - 271.

стандарта в ходе уголовно-процессуальной деятельности путем введения и повышения качества судебного контроля на всех стадиях уголовного судопроизводства.

О стремлении России реализовать стандарт на справедливое судебное разбирательство в своем законодательстве и правоприменительной практике свидетельствуют ряд изменений, внесенных в последнее время в УПК РФ[1]. Так, к гл. 2 Кодекса введена ст. 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства», в которой определены параметры такого составляющего содержание данного стандарта фактора, как временная продолжительность деятельности соответствующих государственных органов и должностных лиц (разумность сроков рассмотрения и разрешения дел). Столь решительные меры по борьбе со следственной и судебной волокитой связаны с тем, что в последние годы Европейский суд по правам человека вынес значительное количество решений против России именно в связи с нарушением разумных сроков рассмотрения уголовных дел, что существенно ограничивает права и законные интересы граждан страны[2].

Реализуя такую составляющую права на справедливое судебное разбирательство, как право на «доступ к суду», Россия возродила мировую юстицию, целью и принципами деятельности которой всегда считались простота, ускоренность процедуры, экономичность, а основной задачей - эффективная и скорая защита прав и интересов граждан.

Право на справедливое судебное разбирательство имеет особую актуальность при защите прав несовершеннолетних, поскольку они лишены возможности в силу физической и умственной незрелости в полной мере использовать все средства внутригосударственной защиты своих прав, а их законные представители нередко либо не хотят этого делать, либо сами выступают нарушителями их прав[3].

---

[1] Гриненко А.В. Решения Европейского суда по правам человека и российское уголовно-процессуальное законодательство // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 2. С. 14 - 15.
[2] Фоков А.П. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок // Российский судья. 2010. № 7. С. 4.
[3] Гармаш А., Суслова И. Защита прав детей в Европейском суде // ЭЖ-Юрист. 2012. № 31. С. 15.

Основным международным актом, содержащим стандарты отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, являются Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, - «Пекинские правила» (приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 г. N 40/33). Как отмечено в ст. 9.1 «Пекинских правил», они действуют наряду с другими международными актами (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Декларация прав ребенка, Конвенция о правах ребенка и др.).

Статья 6 Европейской конвенции содержит положение, согласно которому несовершеннолетние лица имеют право на проведение закрытых судебных заседаний, в случаях когда этого требует защита их интересов. Но следует заметить, что прецедентная практика ЕСПЧ дает основания считать, что несовершеннолетние нуждаются в обеспечении и других гарантий права на справедливое судебное разбирательство, а значит, требования статьи 6 Конвенции распространяются в полном объеме и на несовершеннолетних подсудимых.

Исходя из стандартов Европейской конвенции и практики их применения ЕСПЧ, с несовершеннолетним, которому предъявляется обвинение, должны обращаться с учетом его возраста, уровня зрелости, интеллектуальных и эмоциональных особенностей, и ему должна быть обеспечена возможность участия в судебном процессе.

Для минимального снижения риска появления у несовершеннолетних лиц ощущения запугивания и подавленности и, как следствие - обеспечения эффективности участия их в судебном разбирательстве ЕСПЧ рекомендует принимать меры, которые помогут подростку лучше разобраться в судебном процессе (необходимо заранее рассказать ему о судебной процедуре, показать зал судебных заседаний, сократить продолжительность судебного разбирательства). Схожие положения содержатся в «Пекинских правилах», ст.

5 которых предусматривает, что система правосудия в отношении несовершеннолетних направлена в первую очередь на обеспечение того, чтобы любые меры воздействия были всегда соизмеримы с особенностями личности правонарушителя и с обстоятельствами правонарушения. Правила (п. 2 ст. 14) подчеркивают, что «судебное разбирательство должно отвечать интересам несовершеннолетнего и осуществляться в атмосфере понимания, что позволяет несовершеннолетнему участвовать в нем и свободно излагать свою точку зрения».

Важнейшими гарантиями права на справедливое судебное разбирательство для несовершеннолетних являются содержащиеся в ст. 6 Европейской конвенции и ст. 7, 15 Пекинских правил положения о праве подростков на квалифицированную юридическую помощь со стороны защитника (адвоката), а также о праве участия в судопроизводстве их родителей и опекунов в целях оказания психологической и эмоциональной поддержки.

Одним из требований рассматриваемого стандарта является так называемая прозрачность, «транспарентность» правосудия[1]. В доктрине выделяют две формы прозрачности правосудия: процессуальную, которая реализуется через такое общее условие судебного разбирательства, как гласность, и внепроцессуальную, которая проявляется в освещении хода и результатов судебных процессов в средствах массовой информации. Европейский суд по правам человека исходит из того, что гласный характер судопроизводства защищает стороны от тайного отправления правосудия вне контроля со стороны общественности, служит одним из способов обеспечения доверия к судам. Прозрачное отправление правосудия содействует достижению целей справедливости судебного разбирательства.

В то же время статьей 8 «Пекинских правил» предусмотрено право несовершеннолетнего на конфиденциальность, что предполагает возможность

[1] Моисеенко К.А. Сущность принципа доступности правосудия, его роль и место в системе принципов процессуального права России // Международное и национальное правосудие: теория, история, практика: материалы международной научно-практической конференции (20 мая 2010 г.). СПб., 2010. С. 117.

ограничения гласности судебного разбирательства по данной категории дел. Данное положение находит подтверждение и в ст. 6 Европейской конвенции, где также допускается ограничение допуска прессы и публики на судебные заседания в течение всего процесса или его части, когда того требуют интересы несовершеннолетних.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством РФ закрытое судебное разбирательство допускается на основании определения или постановления судьи по делам о преступлениях лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста (ч. 2 ст. 241 УПК РФ). Решение об этом суд может принять как на стадии назначения судебного заседания, так и в процессе судебного разбирательства. Однако в науке вопрос об ограничении гласности судебного разбирательства имеет как своих сторонников, так и противников. Думается, ограничение гласности судебного разбирательства по этой категории уголовных дел должно рассматриваться как право, но не как обязанность суда, поскольку невозможно однозначно решить данный вопрос без учета категории преступления, степени его общественной опасности, а также личности подсудимого (образования, психического состояния, отношения к содеянному, условий воспитания и т.д.). То есть решение об ограничении гласности судебного заседания по тому или иному делу должно приниматься судом ни в коем случае не автоматически, а лишь в случае действительной к тому необходимости.

Если же говорить в целом о порядке рассмотрения уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних в Российской Федерации, то необходимо отметить, что, в отличие от ряда зарубежных стран, где существует отдельная система судов, рассматривающих дела данной категории, правосудие в которых осуществляется по достаточно специфической процедуре, в нашей стране дела несовершеннолетних рассматриваются общими судами. УПК РФ, как и УПК РСФСР, предусматривает лишь некоторые специальные правила рассмотрения дел о преступлениях подростков, сходные с теми, которые существуют в зарубежных моделях ювенальной юстиции. Но в настоящее

время вряд ли есть основания говорить о дифференциации формы судебной деятельности по делам данной категории. Собственно, в главе 50 УПК РФ прямо указано, что производство по делам несовершеннолетних определяется общими правилами, с изъятиями, установленными настоящей главой. Следует отметить, что употребленная в законе применительно к производству по делам данной категории формулировка «изъятия из общего порядка производства» является неудачной, так как специфику производства по делам несовершеннолетних составляют не изъятия, а дополнения к общим правилам осуществления следственной и судебной деятельности.

Различия, которые существуют в процедуре производства по делам несовершеннолетних, «наполнение» данной процедуры некоторыми единичными особенностями еще не дают основания говорить о дифференциации формы производства по делам данной категории. Более того, в последние годы законодатель сокращает эти специальные правила осуществления судебной и следственной деятельности и в большей степени распространяет на дела несовершеннолетних общие правила производства[1].

Россия, ратифицировав «Пекинские правила», взяла на себя обязательство привести свое законодательство в соответствие международным стандартам. В Концепции судебной реформы было предусмотрено создание специальных судов по делам несовершеннолетних, и в соответствии с этим был разработан проект закона о ювенальной юстиции, получивший одобрение на международном симпозиуме по проблемам ювенальной юстиции в рамках Совета Европы в ноябре 1995 года. Этот проект определил, что ювенальный суд, являясь судом уголовным, может рассматривать и вопросы, касающиеся гражданско-правовых отношений (опеки и попечительства над подростками-правонарушителями, злоупотребления родительскими правами в отношении несовершеннолетних обвиняемых и т.п.). Отечественным ученым хотелось бы рассматривать

[1] Манова Н.С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм. Саратов. Саратов, 2003. С. 102.

данную проблему в более широком социальном и правовом диапазоне. Поэтому в теории уголовного судопроизводства поднимается вопрос о создании в стране системы ювенальной юстиции. Но к настоящему времени нет единого мнения, что такое ювенальная юстиция и насколько она необходима для России. УПК РФ регламентирует производство по делам данной категории, то есть содержит специальный раздел, в котором сгруппированы нормы, предусматривающие некоторые специальные правила осуществления уголовно-процессуальной деятельности, применяемые в дополнение к основным[1].

Решение вопроса создания специализированной системы правосудия в отношении несовершеннолетних предполагает разработку целого комплекса проблем, связанных в том числе с созданием особого порядка осуществления уголовно-процессуальной деятельности в ходе досудебного производства и в суде первой инстанции[2]. Кроме того, для возрождения попыток построения российской модели ювенального уголовного судопроизводства необходимо провести анализ и адаптацию зарубежного и уже накопленного российского опыта функционирования ювенальных судов.

Вопросы реализации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации в правоприменительной практике судов, являясь предметом теоретических дискуссий (рассуждений), критических замечаний и высказываний ученых и практических работников, тем не менее достаточно динамично отражаются в судебных актах, прежде всего в решениях Конституционного Суда РФ, постановлениях Пленумов и обзоров высших судов Российской Федерации по вопросам абстрактного разъяснения судебной практики, и реже в конкретных делах. На наш взгляд, с учетом развития международного и национального права, правовых позиций Конституционного Суда РФ и Европейского суда по

[1] Нека Л.И. Вопросы ювенальной юстиции в Соединенных Штатах Америки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2010. № 2. С. 19 - 24

[2] Багаутдинов Ф. Ювенальная юстиция начинается с предварительного следствия // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 43 - 45.

правам человека, постановлений Международного Суда ООН указанные вопросы требуют дальнейшей конкретизации и комплексности подхода в правотворческой и правоприменительной практике.

В этой связи рекомендуется в целях обеспечения единства судебной практики по сложившейся традиции дать разъяснения в указанной области (или конкретизировать данные ранее разъяснения) на уровне совместных постановлений пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. В частности, судебная практика нуждается в определении иерархии (соотношения) международных договоров и федеральных конституционных законов при разрешении конкретных судебных дел, в перечне общепризнанных принципов и норм международного права применительно к реализации ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, а также в определении иерархии при разрешении правовой коллизии между общепризнанными нормами и принципами международного права и национальным законодательством Российской Федерации.

2 ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Проблемы реализации принципов международного права в условиях глобализации

Известно, что в России в соответствии с нормами и принципами международного права гарантируются и признаются права и свободы человека и гражданина. В качестве главных источников, в которых на международном уровне закреплены принципы их защиты, выступают следующие документы: Устав ООН, Всеобщая декларация прав и свобод человека, Женевские конвенции, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, 1988 г., международные пакты 1966 г. и другие.

Внедрение международных правовых норм в национальную правовую систему РФ с наделением их более высоким юридическим статусом, чем у актов российского законодательства, сопряжено с тем, что должностным лицам, которые принимают участие в признании обязательности на территории страны международного акта, приходится нести большую ответственность. В связи с этим в законодательстве закреплена система правил проведения проверок и осуществления других контрольных мероприятий, цель которых состоит в предотвращении принятия на государственном уровне очевидно завышенных обязательств, что может спровоцировать ущемление интересов государства или нарушить надежную систему внутреннего законодательства[1].

Помимо прочего, Конституционный Суд РФ обладает полномочием принимать решения по делам о соответствии международных договоров с

[1] Балаян Э.Ю., Сычев С.С. Международно-правовые принципы защиты прав и свобод человека и гражданина в условиях глобализации // Российская юстиция. 2019. № 11. С. 18 - 21.

участием РФ, которые не вступили в законную силу, положениям российского законодательства.

Одним из наиболее важных принципов международного права, который лежит в основе системы защиты прав человека и гражданина, является необходимость включать заложенные в ратифицированных международных договорах и конвенциях принципы в национальную правовую систему. Значимым является и наличие во внутренних законах четкого указания на приоритетность положений международных актов, признания принятых международными судами решений, в частности решений Европейского суда по правам человека. В соответствии с этим принципом ответственность за защиту прав и свобод несут прежде всего национальные судебные органы.

В ст. 46 Конституции России обозначен принцип защиты гражданских прав и свобод, нарушенных на государственном уровне в международных судах. А п. 1 ст. 46 Европейской конвенции о правах человека содержит принцип обязательности для государства-ответчика решений ЕСПЧ и других международных судов.

Однако наряду с указанными принципами следует руководствоваться и принципом необходимости создания баланса между частными и публичными интересами в сфере защиты прав как на законодательном уровне, так и на этапе правоприменения. Упомянутый принцип нашел закрепление как в действующих международных актах, так и в отечественной практике применения правовых норм[1].

Основу международных конвенций и соглашений в сфере прав человека составляют такие общепризнанные принципы, как наделение граждан равными правами независимо от пола, равноправие и запрет дискриминации, национальное и народное самоопределение, уважение государственного суверенитета и невмешательство в дела страны, а также соблюдение ключевых прав и свобод при любых обстоятельствах, в том числе в условиях

[1] Катамазов А.В. Правовая характеристика статуса конституций в зарубежных странах // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 6. С. 22.

вооруженных конфликтов. В некоторых конвенциях нашел отражение и принцип ответственности за преступления в отношении прав человека.

Период становления основополагающего принципа уважения прав и свобод каждого человека как одного из базовых принципов международного права пришелся на послевоенное время, когда был принят Устав ООН. Однако термин «права человека» увидел свет задолго до этого, а именно в конце XVIII века, когда в мире активно происходили буржуазные революции[1].

В Уставе ООН содержится не только упоминание об уважительном отношении к правам и основным свободам человека, а также его развитии. Этот международный документ предусматривает обязательства государств сотрудничать между собой для обеспечения «всеобщего уважения и соблюдения прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии». В этом важном договоре отражен принцип уважения к правам человека и их соблюдения на международно-правовом уровне в современных условиях[2].

В национальном праве стран с демократическим режимом вышеупомянутый принцип составляет правовую основу законодательства и характеризуется исключительной императивной силой. Ни один нормативно-правовой акт не может противоречить принципу уважения прав человека. Обязательства международно-правового характера, которые конкретизируют и развивают этот принцип, принято называть международными стандартами в сфере прав человека. Среди этих обязательств как предоставление гражданам определенного объема прав и свобод, так и отказ от посягательств на них. Речь идет, в частности, о недопущении пыток, национальной, расовой и иной дискриминации. Основные разновидности стандартов - универсальные, то есть действующие по всему миру, и региональные. Последние обладают спецификой, обусловленной местными традициями и степенью развития определенных стран. Они могут быть конкретнее и шире универсальных

[1] Дмитриев В.С. Вопросы реализации верховенства прав человека // Юридический мир. 2014. № 5. С. 12 -17.
[2] Зорькин В.Д. Обеспечение социальной справедливости и защита социальных прав граждан в конституционном правосудии // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 3. С. 9.

стандартов. При определенных обстоятельствах могут действовать некоторые ограничения прав, например, в Международном пакте о гражданских и политических правах содержится норма о том, что на права и свободы могут накладываться исключительно те ограничения, которые определены в законе и требуются для охраны населения, нравственности либо здоровья граждан, общественного порядка или государственной безопасности. Таким образом, права могут ограничиваться только при таких обстоятельствах, когда есть риск гораздо более масштабного нарушения общечеловеческих прав.

Универсализация прав гражданина - это и их всеобщность. Речь идет об их всеобъемлющем характере, разноплановости и грамотном использовании в любой «системе координат» пространственного и временного типа, касательно любого гражданина либо социума, при этом все их особенности - национального, культурного и другого характера, в данном случае значения не имеют. Еще понятие универсализации напрямую связано с реальной восприимчивостью к гражданским правам - они одинаково используются как на глобальном уровне, так и на уровне региональном, вне зависимости от того, происходит ли изучение данных прав, как и непосредственно их универсализация, в формате уже существующих факторов - в статике либо как только создаваемых и развивающихся - в динамике.

Глобальным правом именуют взаимосвязанную структуру, в состав которой входит центральное, интегрирующее звено - международное право, а также различные национальные правовые системы. Несмотря на это, при формировании такого права используются правовые традиции западной цивилизации, образованной в Европе на базе смешения стандартных культур, таких как античный полис и европейское христианское средневековье.

По западной традиции права существуют две самые популярные правовые семьи: англо-американская и романо-германская, на базе которых и происходит развитие практически всей публично-правовой сферы мировых государств. Хотя для создания международного права использовалась романо-

германская правовая семья[1]. Национальные правовые системы при глобализации реципируют западную правовую традицию, но не ее суть. Несмотря на этот факт, если они не сочетаются, получение общего глобального права оказывается невозможным. Такое несоответствие может быть разрешено при помощи интегративного правопонимания - это демонстрация права с самых разных сторон. В основном глобализация права тесно взаимосвязана с правовым сознанием, оно также должно быть глобализировано, поскольку правосознание - это главная составляющая всеобщего сознания, его постоянно трансформируют через СМИ[2].

Глобализация подразумевает открытый культурный обмен, когда заимствуются образцы поведения, адаптируются культурные стереотипы. Это серьезный фактор стандартизации правовой жизни. Если брать в расчет законодательную отрасль, то речь идет об общепризнанных правовых стандартах. Существенно модернизируется и практика применения права. Приводятся к общим стандартам механизмы и процессы воплощения на практике унифицированных правовых норм, контролирующих однопорядковые правовые отношения в различных государствах[3].

Глобализация означает, что границы между разными системами национального, экономического и политического типа становятся более прозрачными. Таким образом, необходимо вырабатывать общепринятые нормы поведения всех субъектов, внедрять стандартные «игровые правила» для мирового рынка. Это приводит к сближению национальных правовых систем. Различные отрасли права, а также законодательные институты унифицируются.

Если давать ответ на вопрос о границе ответственности национальных и наднациональных институтов в сфере обеспечения и гарантирования

[1] Бормотов А.В. Угрозы государственному суверенитету в условиях правовой глобализации // Молодой ученый. 2018. № 33. С. 89.
[2] Рассказов Л.П. Глобализация и ее влияние на современное российское право // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 56. С. 19.
[3] Иванцова Г.А. Проблемы стандартизации прав человека в условиях глобализации // Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. С. 201 - 203.

универсальных прав, то можно сделать следующий вывод: ответственность общая, при подтверждении взаимной суверенной воли рассматриваемых институтов.

Изучаемая проблема делает актуальными и другие вопросы, например каким образом данные права учитывают особенности той либо иной цивилизации? Возможно ли реальное объединение разных по культуре, этносу и иным параметрам цивилизаций стандартным гибридом уникальных прав?

Научная литература, исследующая данную тематику, придерживается двух подходов. Согласно первому, общество даже при современной масштабной глобализации по-прежнему не в состоянии установить универсальные подходы в отношении гражданских прав.

Иной алгоритм выглядит следующим образом: глобализация - это уникальный доминантный фактор, способствующий формированию общечеловеческих интересов и ценностей. То есть на данной базе проявляется необходимость разработки единых для всего мира универсальных прав.

Юридическая литература постоянно фиксирует тенденцию интернационализации внутри страны, воздействие внешнего мира. Таким образом, развитие внутренних государственных функций не представляется возможным только на личной базе. Также невозможно определение цели, задач, в основе которых лежит исключительно национальный интерес, а не интересы международного сообщества[1]. Потому некоторые эксперты придерживаются мнения, что глобализация так размывает границы между внутренней и внешней политикой, что в наше время уже стоит разрабатывать новую классификацию государственных функций, признавать их общими и реализовывать не только в самой стране, но и за ее пределами.

Представляется, что в рамках концепции развития международного права как приоритетной отрасли необходима универсализация его норм. Одновременно нельзя недооценивать значение локальных и региональных

[1] Морозова Л.А. Влияние глобализации на функции государства // Государство и право. 2006. № 6. С. 105 - 106.

правовых норм, которыми регулируются международные отношения на соответствующем уровне. При установлении круга общественных отношений, подлежащих регулированию универсальными нормами международного права, следует учитывать, интересы каких стран влияют на эти отношения. К примеру, если они касаются общемировых интересов, таких как экологическая безопасность или права человека, крайне низкой будет эффективность их регулирования на локальном или региональном уровне. С другой стороны, отношения, касающиеся нескольких государств, вполне могут регулироваться при помощи инструментов международно-правового механизма в данном регионе. Что касается локальных международно-правовых норм, ситуация аналогична.

Ключевая цель состоит в следующем: необходимо исключить противопоставление глобальных и локальных социальных сред - они должны дополнять и развивать друг друга.

Перечисленные основные принципы в сфере прав человека должны учитываться при принятии любых законодательных актов. Они выступают в роли критериев законности данных документов. Безусловно, на всех странах лежит ответственность не только соблюдения норм, которые имеют отношение к правам человека, но и других основополагающих международно-правовых принципов и правил. Наблюдается тенденция к всеобщему признанию прав человека как высочайшей общественной ценности, что социально оправданно. Ни какое-либо отдельное лицо, ни их группа, ни государство не могут вести деятельность, в результате которой уничтожаются или ограничиваются без законных на то оснований права человека, признанные международным сообществом (ч. 1 ст. 5).

Но при всей ценности прав конкретного человека они не являются абсолютными по отношению к правам народа в целом и государства. Реализуя свои права, человек должен проявлять уважение и к правам различных общественных образований и государства. В противном случае не может существовать ни общество, ни государство (см. ст. 29 Всеобщей декларации

прав человека).

Влияние рассмотренных принципов на отношения между государствами претерпевает изменения. Их значение возрастает или падает в зависимости от различных международных факторов. В качестве примера можно привести принцип уважения суверенитета и невмешательства в дела государств. Если в отношениях между государствами упомянутые принципы в течение продолжительного времени имели и имеют большое значение, то применительно к правам человека в последнее время наблюдается заметное снижение их роли. При подписании международных договоров в сфере прав человека государства дают согласие на ограничение некоторых своих суверенных прав и делегируют их международным органам, наделенным полномочиями по вмешательству во внутренние дела этих стран. Этот процесс будет продолжать развиваться по мере развития регламентирующего защиту прав человека международного права[1].

В некоторых постановлениях Конституционного Суда РФ содержатся упоминания о возможном вступлении конституционных ценностей во взаимное противоречие. В связи с этим органам государственной власти в сфере защиты прав и свобод следует руководствоваться такими принципами, как баланс частных и публичных интересов, разумная достаточность и соразмерность.

Таким образом, используя методы, характерные для юридической правовой науки, можно сделать вывод о том, что рассмотренные принципы являются универсальными. Подтверждения этому можно найти и в российской, и в международной практике.

Подытоживая вышесказанное, необходимо отметить, что регламентация прав и свобод человека и гражданина, как и их защита, остается прерогативой конкретного государства. В международных актах не определяется, как следует выполнять принятые им обязательства. Эти документы содержат стандарты поведения, которые в некоторой степени ограничивают свободу

[1] Матузов Н.И. Право и личность. Теория государства и права. М.: Юрист, 2013. С. 126.

действий государства в области своего внутреннего законодательства. По результатам анализа трансформации принципов международного права в сфере защиты прав и свобод человека обнаруживается постепенное превращение индивида в непосредственного субъекта международно-правовых отношений.

Проблемы механизма реализации конституционных предписаний о включении в правовую систему России общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации

Статьи 15 (ч. 4), 17 (ч. 1), 69 Конституции Российской Федерации дают концептуальное направление в осуществлении защиты конституционных прав и свобод человека с применением международного элемента.

Также концептуальными являются и положения законов, декларирующих обеспечение единства судебной системы Российской Федерации путем применения судами не только Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, но и общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации (далее - международных правовых стандартов).

Однако следует признать, что эффективный инструмент для реализации этих норм отсутствует. Процессуальное законодательство в любом виде судопроизводства не содержит предписаний, обязывающих суд соотносить защищаемые конституционные права и свободы личности с международными правовыми стандартами. А это значительно снижает ценность их прикладного значения[1].

Вместе с тем при отсутствии специальных законодательных

[1] Ершов В.В. Прецеденты толкования Европейского суда по правам человека // Российское правосудие. 2007. № 1 (9). С. 22

предписаний о необходимости учета общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации в процессе осуществления судебной защиты прав и свобод человека ст. ст. 391.9 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ), 308.8 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ), 341 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее - КАС РФ) называют в качестве основания для отмены судебного постановления в порядке надзора его несоответствие общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации.

Такое несоответствие судебного акта международным правовым стандартам в силу положений названных статей является нарушением прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации.

Вместе с тем, предусматривая возможность отмены в надзорном порядке судебных постановлений, противоречащих общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации, законодатель не установил возможность отмены судебных актов нижестоящих судов по такому же основанию судами апелляционной и кассационной инстанций[1].

Без возложения на нижестоящие суды процессуально установленной обязанности об обеспечении судебной защиты прав и свобод человека в соответствии с международными правовыми стандартами следует логический вывод о непоследовательности и несовершенстве правового регулирования, в соответствии с которым устранять рассматриваемые недостатки по обеспечению прав личности с соблюдением данного конституционного требования возможно лишь в последней судебной инстанции.

Это объясняется тем, что Конституция Российской Федерации, устанавливая включение общепризнанных принципов и норм

[1] Нерсесянц В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Государство и право. 2005. № 5. С. 38 – 47.

международного права и международных договоров Российской Федерации в правовую систему России, не отражает необходимости гармонизации конституционных и международных критериев правовой защиты и обязательств государства по защите прав и свобод человека при осуществлении судебной защиты в Российской Федерации в соответствии с международными правовыми стандартами.

Потенциальная возможность отмены в порядке надзора судебного акта, нарушающего конституционные права и свободы человека, гарантированные общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, свидетельствует о том, что существует необходимость обязать нижестоящие суды принимать судебные решения в соответствии с международными правовыми стандартами, установленными как в материальном, так и в процессуальном праве.

Введение специального правового регулирования о возложении на суды такой обязанности позволит избежать негативных последствий в виде отмены этих судебных постановлений в надзорном порядке по указанному основанию.

Для достижения данной цели необходимо определить специальную нормативно установленную конструкцию, включающую в процессуальные правила любого вида судопроизводства процедуру соотнесения защищаемого судом права с международными правовыми стандартами[1].

Конституционный Суд Российской Федерации и иные суды судебной системы Российской Федерации в своих судебных актах на протяжении последних двадцати лет регулярно ссылаются на международные договоры Российской Федерации или на их отдельные нормы, на международные правовые стандарты, обозначенные в российской Конституции как «общепризнанные принципы и нормы международного права», на имеющую обязательную для Российской Федерации практику международных судов, в

[1] Переплеснина Е.М. Механизм реализации конституционных предписаний о включении в правовую систему России общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации // Международное публичное и частное право. 2019. № 3. С. 38 - 42.

первую очередь Европейского суда по правам человека. Однако такие ссылки носят точечный и необязательный характер, основанный на свободе судейского усмотрения (за исключением дел, связанных с пересмотром судебных актов по новым обстоятельствам в связи с принятыми постановлениями Европейского суда по конкретным делам).

При этом непринятие судами общей юрисдикции и арбитражными судами во внимание общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации, судебной практики Европейского суда по правам человека, несмотря на имеющиеся рекомендации Верховного Суда Российской Федерации в специально принятых для этой цели постановлениях пленума, само по себе не расценивается вышестоящими инстанциями в качестве неполноты правового обоснования или незаконности судебного акта.

Фактически ввиду отсутствия специального правового регулирования по рассматриваемому вопросу нельзя заставить суд, осуществляющий конституционное, гражданское, уголовное и административное судопроизводство, соотносить защищаемые им конституционные права и свободы человека с международными правовыми стандартами, правовыми позициями Европейского суда и отражать это в принимаемых судебных актах.

При этом значение международно-правовой аргументации судебных позиций при осуществлении защиты конституционных прав и свобод личности не вызывает сомнений, подтверждается проведенными исследованиями ученых-конституционалистов и достаточно богатой судебной практикой.

Не подлежит сомнению, что позиция судов различных юрисдикций, вырабатываемая в судебных актах при оценке вопросов защищаемых конституционных прав и свобод с помощью ссылок на международные правовые стандарты, обогащается дополнительной аргументацией и нормативно укрепляется.

Для придания конституционному предписанию ч. 1 ст. 17 (в Российской

Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права) статуса исполнимой, ст. 18 Конституции (об обеспечении этих признаваемых и гарантируемых прав и свобод правосудием) подкрепляется положениями ее ст. 46, в соответствии с ч. ч. 1, 3 которой каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод с последующим правом на обращение в межгосударственные органы по их защите.

Здесь обнаруживается правовая несогласованность: при отсутствии конституционного предписания о необходимости судебной защиты прав и свобод человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права каждому предоставляется право на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод, где такая защита осуществляется исключительно на основании принципов и норм международного права (международных правовых стандартов).

Судебная защита, как известно, может быть некачественной, о чем свидетельствует судебная практика российских судов, когда вышестоящими инстанциями отменяются неправосудные судебные акты, а также судебная практика Европейского суда, подтверждающая наличие неполноты такой защиты национальными судами.

Как следствие, высокий уровень судебной защиты конституционных прав и свобод национальными судами, соответствующий международным правовым стандартам, должен быть конституционно зафиксирован.

Необходимость введения в Конституцию Российской Федерации императивной нормы об обязательности судебной защиты конституционных прав и свобод с учетом международно-правовых стандартов следует из положений ее ст. 46, которая является несовершенной в силу предоставляемого права каждому на обращение в межгосударственные органы (ч. 3 ст. 46), но при этом не содержит требования о качественном критерии судебной защиты в соответствии с международными правовыми стандартами.

Данный критерий должен быть установлен высшим нормативным актом государства и стать связующим звеном между уровнем государственной защиты прав и свобод человека и уровнем их защиты международными органами, право на обращение в которые предоставлено российской Конституцией.

Таким образом, чтобы заставить работать в системном единстве установленный российской Конституцией многоуровневый способ защиты конституционных прав, согласуемых с международными (конвенционными) правами, ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации следует изложить в следующей редакции:

«1. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод законным и справедливым судом в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации».

Такая редакция конституционной нормы, в том числе с включением в нее предписания о «законном и справедливом суде», представляется необходимой, поскольку она возлагает на судебные органы дополнительные обязательства по повышению качества такой защиты, соотносимого с международными правовыми стандартами.

Кроме того, такое конституционное предписание будет согласовываться со ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно ч. 1 которой каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Требование о беспристрастности суда, содержащееся в ст. 6 Конвенции, на наш взгляд, будет полноценно охватываться понятием «законного суда», вводимым в конституционное предписание ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации предлагаемой редакцией.

Представляется, что положение о «законном суде» включает в себя и

законность его создания как структурного органа, и законность формирования судейского корпуса, и законность деятельности суда: по кругу осуществляемых полномочий, компетенции, соблюдению материальных и процессуальных требований действующего законодательства при осуществлении правосудия. А существующий законодательно установленный порядок назначения лица на должность судьи и осуществления им полномочий по отправлению правосудия уже содержит в себе требование о независимости и незаинтересованности, а значит, беспристрастности осуществления судьями возложенных на них полномочий.

Включение предлагаемых изменений в Конституцию Российской Федерации влечет необходимость внесения соответствующих изменений и в иное действующее законодательство Российской Федерации, в первую очередь в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Известно, что на сегодняшний день Конституционный Суд Российской Федерации применяет в своих постановлениях международно-правовую аргументацию лишь по собственному усмотрению, а не в силу нормативного предписания об этом в названном специальном Законе либо в самой Конституции Российской Федерации.

В частности, ст. 74 названного Федерального конституционного закона «Требования, предъявляемые к решениям» не содержит в себе основного требования о законности решений Конституционного Суда Российской Федерации, в то время как под данным требованием применительно к его постановлениям необходимо понимать то, что оно принимается на основе Конституции Российской Федерации посредством аутентичного толкования ее норм, в том числе норм, обязывающих соблюдать международные обязательства российского государства по гарантированию прав и свобод человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации.

Отсутствие инструмента, влекущего необходимость совокупного

анализа проверяемого закона на соответствие Конституции Российской Федерации в единстве с международными правовыми стандартами (международными договорами Российской Федерации), следует восполнить в рассматриваемом Федеральном конституционном законе, дополнив его ст. 74 абз. 1 следующего содержания:

«Итоговое решение Конституционного Суда Российской Федерации принимается Конституционным Судом Российской Федерации на основе Конституции Российской Федерации в результате аутентичного толкования ее норм с учетом общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации».

Процессуальное законодательство иных видов судопроизводств, предусмотренных ст. 118 Конституции Российской Федерации, также не содержит предписаний, направляющих конституционную концепцию о гарантии и защите прав и свобод человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации в прикладное русло.

То есть опять же законодательно не определен порядок действия судов, включающий в себя инструмент воплощения данных предписаний в практической деятельности. Отсутствуют правовые нормы об обязательности соотнесения защищаемого материального права и процедуры такой защиты с требованиями международных правовых стандартов.

Имеющаяся судебная практика о включении в судебные решения в качестве дополнительной аргументации ссылок на международные правовые стандарты, в том числе в виде правовых позиций Европейского суда, свидетельствует об их необязательном характере, основанном на усмотрении судьи, принимающего судебный акт. Действительно, судья, принимая решение, сам определяет, какие нормы права следует применить при разрешении судебного спора. При этом все же обязанностью судьи до фиксирования в судебном акте своих выводов в письменном виде является предварительный расширенный объем оценки правовой ситуации не только в

рамках национального законодательства и Конституции Российской Федерации, но и с учетом обязательных для России международных принципов и норм.

Требуемый инструмент в данном механизме должен быть выражен в специальных законодательных актах с целью установления взаимосвязи между провозглашенной в Конституции Российской Федерации гарантией и реально осуществляемым судьей действием - в процедуре судебной защиты.

Во избежание отмены в порядке надзора принимаемых национальными судами судебных актов по основанию нарушения ими прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации (ст. ст. 391.9 ГПК РФ, 308.8 АПК РФ, 341 КАС РФ), в действующее процессуальное законодательство также необходимо внести соответствующие изменения.

Таким образом, конституционные гарантии, содержащиеся в ст. ст. 15, 17, 18, 46, получат реальное воплощение в жизнь, поскольку будут обеспечены конституционно и законодательно установленным механизмом.

Предлагаемые изменения являются значимыми и своевременными, учитывая, что материальное право, применяемое в гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве, включает в себя не только национальное законодательство, но и общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации.

2.3 Проблемы реализации права народов на самоопределение в контексте принципа территориальной целостности государств

Решение правовых проблем территориального самоопределения на практике осложняется требованием соблюдать нерушимость границ и территориальную целостность государств - основополагающие принципы

современного международного права. Это порождает коллизии данных принципов. По сути, в зависимости от политических интересов приоритетным выступает то принцип территориальной целостности, то право народов на самоопределение. Проблема самоопределения народов, оказавшихся под иностранным господством, а в некоторых случаях и разделенных между несколькими государствами, образовавшимися в этом регионе, стало сегодня коллизией мирового значения. С целью международно-правового обоснования захвата и насильственного удержания территорий малых народов право на самоопределение или совершенно отрицается, или ему противопоставляется принцип территориальной целостности государства. Характерным примером этого является позиция Азербайджана в отношении самоопределения Нагорного Карабаха, которая основана на постулате, что право народов на самоопределение не имеет нормативной силы, а если и имеет какое-либо значение, то занимает подчиненное положение по отношению к принципу территориальной целостности государства. Иначе говоря, утверждается, что принцип территориальной целостности государства является единственным либо высшим принципом, которым должны руководствоваться стороны при разрешении подобных споров. Так, по мнению бывшего члена Конституционного комитета СССР от Азербайджана С. Мирзоева, «международное право в случае коллизии норм, определяющих нерушимость границ и территориальную целостность и право народов на самоопределение, отдает приоритет защите территориальной целостности»[1].

Данный вопрос возникает каждый раз, когда то или иное государство, не признавая право населения территории на самоопределение, стремится не допустить отделения и, соответственно, изменения государственной границы согласно воле населения. Мирное урегулирование карабахского, как и других конфликтов, возникших в результате противопоставления принципа территориальной целостности государства праву народов на

[1] Алексанян А.А. Реализация права народов на самоопределение в контексте принципа территориальной целостности государств // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 63 - 67.

самоопределение, должно основываться на нормах международного права, а это предполагает необходимость признания установленного в нем соотношения между принципом самоопределения народов и территориальной целостности государства.

Согласно п. 4 ст. 2 Устава ООН все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций. Следует отметить некоторое несоответствие между формулировками принципа неприменения силы в русском и английском текстах Устава ООН: в русском тексте говорится о «территориальной неприкосновенности», а в английском - о «территориальной целостности» (territorial integrity). В связи с этим некоторые ученые высказывают сомнение по поводу существования принципа территориальной целостности государств, ссылаясь на то, что в Уставе ООН такого принципа нет и лишь в формулировке принципа неприменения силы говорится, в частности, о недопустимости применения силы или угрозы ее применения против территориальной неприкосновенности государств.

Позднее принцип территориальной целостности государств нашел свое отражение и в Декларации о принципах международного права 1970 г. Но наиболее полно на сегодняшний день он закреплен в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. В документе указано, что «государства-участники будут уважать территориальную целостность каждого из государств-участников; в соответствии с этим они будут воздерживаться от любых действий, несовместимых с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций, против территориальной целостности, политической независимости или единства любого государства-участника и, в частности, от любых таких действий, представляющих собой применение силы или угрозу силой».

Категория «территориальная целостность» включает понятие

«суверенитет проживающего в составе данного государства народа, который продолжает оставаться хозяином своей территории, и никто не имеет права распоряжаться ею». Он рассматривает территориальную целостность в качестве принципа, гарантирующего территориальное верховенство государства от посягательств извне.

Наряду с принципом территориальной целостности можно выделить принцип нерушимости государственных границ, принцип территориальной неприкосновенности, принцип неприкосновенности государственных границ, которые являются взаимосвязанными, но имеют различное содержание. По его мнению, принцип нерушимости границ государств можно определить: как принцип запрета неправомерного изменения государственных границ, являющийся общепризнанным, основным принципом международного права и нормой jus cogens; принцип территориальной неприкосновенности государств - принцип запрета применения силы против территории иностранного государства, общепризнанный принцип международного права, норма jus cogens; принцип неприкосновенности государственных границ - принцип соблюдения прохождения государственной границы на местности и ее режима, общепризнанный принцип международного права.

Таким образом, принцип территориальной целостности относится к числу принципов международного права, имеющих широкую правовую основу. В то же время единого устоявшегося его толкования на международном уровне пока не представлено. Отсутствует оно и в конституционном законодательстве государств, раскрываясь в нем через содержание принципа единства, неприкосновенности и неделимости территории, ее неотчуждаемости; через определение порядка изменения государственных границ либо через установление состава территории государства.

Декларация о принципах международного права 1970 г. содержит также толкование и некоторых других аспектов соотношения принципов самоопределения и территориальной целостности государств, так называемую

«предохранительную клаузулу» (Saving Clause), которая защищает государства от необоснованных сепаратистских поползновений. Ученые делают вывод, что из приведенной нормы вытекают три условия, при наличии которых недопустимо самоопределение, нарушающее территориальную целостность государства:

- государство должно «соблюдать в своих действиях принцип равноправия и самоопределения»,

- государство должно «вследствие этого иметь правительства, представляющие весь народ... проживающий на данной территории»,

- при этом не должно проявляться какой-либо дискриминации.

Только при соблюдении всех этих условий приоритет должен быть отдан сохранению единства государства, в противном случае оно может быть поставлено под сомнение. И хотя таких условий три, основным из них, определяющим остальные, является, по нашему мнению, первое условие. Ведь «соблюдение государством в своих действиях принципа равноправия и самоопределения народов», которое конкретно может выражаться, например, в проведении в соответствующих случаях плебисцитов (референдумов), означает прежде всего безусловное признание за всеми народами права на самоопределение, в том числе и теми народами, которые входят в состав этого государства. В связи с этим совершенно по-иному звучат вопросы соотношения принципа самоопределения с другими принципами международного права, раскрывается его основополагающий характер.

С позиций правового толкования «предохранительной клаузулы» значительный интерес представляет решение Верховного Суда Канады, касающееся определенных вопросов по сецессии Квебека от Канады 1998 г. В своем решении высшая судебная инстанция Канады постановила, что «государства, чьи правительства представляют весь народ в пределах их территории на основе равенства и без дискриминации и уважают принципы самоопределения по своим внутренним установлениям, управомочены на защиту своей территориальной целостности по международному праву».

Признание права народов на самоопределение как высшего правового основания владения и распоряжения территорией государства и, следовательно, определения его границ нашло соответствующее отражение не только в многосторонних актах, формулирующих общую норму, но и в межгосударственных договорах, решениях международных организаций и Международного суда ООН.

В своем решении по делу, касающемуся Восточного Тимора (Португалия против Австралии), от 30 июня 1995 г. Международный суд ООН подтвердил следующую позицию, сославшись при этом на свои предыдущие решения: «...утверждение Португалии, что право на самоопределение, вытекающее из Устава и практики Организации Объединенных Наций, имеет характер erga omnes, является безупречным. Принцип самоопределения народов признан в Уставе ООН и в практике Суда; он является одним из основополагающих принципов современного международного права».

Итак, норма международного права, определяющая соотношение двух принципов, сформулирована настолько четко и ясно, что не оставляет сомнений в отношении ее содержания. Поэтому сторонники аннексий чужих территории цитируют первую часть определения территориальной целостности, опуская вторую, в которой говорится о самоопределении народа как правоосновании территориальных прав государства и условии защиты его территориальной целостности. Поскольку неотъемлемое право каждого народа на самоопределение является высшим правовым основанием владения и распоряжения территорией, то, очевидно, что ему не могут противопоставляться суверенитет государства и его территориальная целостность. Напротив, территориальная целостность должна основываться на добровольном вхождении в состав государства каждого данного народа, как и на уважении его неотъемлемого права выхода на основе свободного волеизъявления. Поэтому осуществление народом своего права на самоопределение не может рассматриваться как посягательство на нерушимость государственных границ и территориальной целостности

государства. При всем при этом главным остается выяснение подлинной воли народов с помощью закрепленных в праве процедур, наличие доброй воли сторон и учет интересов государства и народов, остающихся в нем после отделения народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование принципов международного права, их реализации и перспектив развития позволило сделать следующие теоретические выводы.

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» установлено, что Российская Федерация, выступая за соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права - принципу добросовестного выполнения международных обязательств.

Международные договоры являются одним из важнейших средств развития международного сотрудничества, способствуют расширению международных связей с участием государственных и негосударственных организаций, в том числе с участием субъектов национального права, включая физических лиц. Международным договорам принадлежит первостепенная роль в сфере защиты прав человека и основных свобод. В связи с этим необходимо дальнейшее совершенствование деятельности, связанной с реализацией положений международного права на внутригосударственном уровне.

Исходя из этого, а также из положений части 4 статьи 15, части 1 статьи 17, статьи 18 Конституции Российской Федерации права и свободы человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, а также международным договорам Российской Федерации являются непосредственно действующими в пределах юрисдикции Российской Федерации. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного

самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо.

К общепризнанным принципам международного права, в частности, относятся принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств.

Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного.

Содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений.

Формы (источники) международного права и формы (источники) внутригосударственного права - каждая из них - представляют собой сложную, в определенном объеме и смысле автономную систему. Как известно, существуют несколько видов форм (источников) международного права: международные договоры (конвенции), общепризнанные (общие) принципы и нормы международного права, международные обычаи, международные судебные прецеденты. При этом система источников международного права по ее генезису изначально лишена иерархичности, соподчиненности источников (форм) в традиционном понимании, которая является имманентным признаком системы источников внутригосударственного (национального) права. Поскольку источники международного права есть итог совместной правотворческой деятельности и (или) договоренностей (выраженных в активной форме либо по умолчанию) суверенных государств - равноправных субъектов международного сообщества.

Вместе с тем наряду с констатацией согласительной природы

источников международного права можно говорить, что система форм международного права имеет определенные черты (проявления) иерархичности, «вертикали» построения, и ее структура основана на специфической соподчиненности, которую можно охарактеризовать как принцип «согласительной иерархичности» («согласительной иерархии», «согласительной вертикали»). Этот принцип «согласительной иерархии», лежащий в основе построения соотношения четырех указанных выше видов источников (форм) международного права между собой и в пределах систем источников международного права, относящихся к одному и тому же видовому ряду, установлен в основополагающих международных правовых актах (договорах, конвенциях и др.).

Источники (формы) внутригосударственного права еще более многообразны. К ним относятся такие виды, как нормативные акты, внутригосударственные договоры, правовой обычай, судебный прецедент. В свою очередь, нормативные акты делятся на различные виды в зависимости от территориальных уровней публичной власти, имеющей нормотворческие полномочия, и соотносимости с той или иной специализацией в системе разделения властей. Все эти внутригосударственные источники располагаются в системном единстве, основной вид внутригосударственных источников - совокупность нормативных актов, находятся между собой в отношениях уже не согласительной, а жестко-иерархической структурной вертикали, т.е. представляют собой многоуровневую иерархическую систему. Не только нормативные акты, но и иные виды источников права (правовые обычаи, судебные прецеденты) должны соответствовать конституции государства. Так, в Российской Федерации, как и в основной части стран современного мира, основной формой (источником) права является нормативный правовой акт. В систему нормативных актов входят Конституция РФ (12 декабря 1993 г.), федеральные конституционные законы, федеральные законы, подзаконные акты. Их юридическая сила соответствует расположению в указанном ряду в порядке убывания.

В контексте действия во внутригосударственном правовом пространстве источники международного права и источники внутригосударственного права представляют собой (проявляются как) сложные и достаточно разноплановые с позиций принципов их построения и юридической силы разных видов соответствующих источников права системы. Поэтому в связи с их действием во внутригосударственной правовой системе (инкорпорацией) источники международного права претерпевают определенные модификации своей юридической силы, причем не только в соотношении с внутригосударственным правом, но и во взаимной корреляции международно-правовых источников, допускаемых в сферу действия на территории государства. Кроме того, соотношение юридической силы различных источников международного права между собой в связи с их действием на внутригосударственной территории (на территории каждого конкретного государства) может меняться в сравнении с корреляцией этих же источников при их действии в международно-правовой системе отношений.

Причина указанных модификаций юридической силы источников международного права в том, что вопрос о сопоставимости юридической силы международного и внутригосударственного права во внутригосударственном правовом пространстве - это сфера суверенного усмотрения национального государства, акт самоограничения национального государства как члена международного сообщества.

Проведенное исследование перспектив реализации принципов международного права позволило сделать следующие предложения.

Для обеспечения экологической безопасности представляется крайне важным законодательное закрепление в действующих нормативных и стратегических правовых актах базового принципа международного экологического права - принципа предосторожности.

Данный принцип получил свое закрепление в Картахенском протоколе по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии и далее был развит в ряде иных международных соглашений в области биологической

безопасности, в том числе в Нагойском протоколе регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения к Конвенции о биологическом разнообразии, а также в Нагойско-Куала-Лумпурском дополнительном протоколе об ответственности и о возмещении за ущерб к Картахенскому протоколу по биобезопасности, однако в настоящее время Российская Федерация не является участником данных соглашений.

Необходимость совершенствования нормативного правового регулирования и государственного управления в этой сфере неоднократно подчеркивалась в документах государственного стратегического планирования, в частности в Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу, утвержденных Указом Президента РФ от 11.03.2019 № 97, прямо указывается на необходимость присоединения к данным соглашениям, причем данная мера рассматривается в качестве основной задачи государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу.

На наш взгляд, присоединение к данным международным соглашениям представляется весьма важным направлением совершенствования законодательства в области экологической безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2014. - № 31. - Ст. 4398.

2. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. - М., 1956, - С. 14 – 47.

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ. – 2001. - № 2. - Ст. 163.

4. Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23.05.1969) // Ведомости ВС СССР. – 1986. - № 37. - Ст. 772.

5. Декларация Международной организации труда «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда» (принята в г. Женева 18.06.1998) // Российская газета. – 1998. - № 238.

6. Конвенция № 98 Международной организации труда «Относительно применения принципов права на организацию и заключение коллективных договоров» (принята в г. Женеве 01.07.1949 на 32-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. - М., 1960, - С. 292 – 297.

7. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. - № 29. - Ст. 2757.

Научная и учебная литература

8. Авакьян, С.А. Конституция России: природа, эволюция,

современность / С.А. Авакьян. 2-е изд. - М.: РЮИД, 2000. - 528 с.

9. Алебастрова, И.А. Конституционное право зарубежных стран: Учебное пособие / И.А. Алебастрова. - М.: Юрайт-М, 2001. - 638 с.

10. Ануфриева, Л.П. Понятие «источник права в международно-правовой науке»: догма «классики» и современная доктрина / Л.П. Ануфриева. - М.: Оригинал-макет, 2015. – 115 с.

11. Василевич, Д.Г. Конституционное право на свободу передвижения и выбор места жительства / Д.Г. Василевич. - Минск: Право и экономика, 2007. - 175 с.

12. Васильева, С.В. Бипатризм: современное состояние / С.В. Васильева. - Смоленск: Маджента, 2013. - 128 с.

13. Васильева, Т.А. Миграционная политика, гражданство и статус иностранцев в странах западной демократии: Монография / Т.А. Васильева. - М.: Ин-т права и публичной политики, 2010. - 323 с.

14. Дудко, И.Г. Влияние европейского права на конституционное право государств Центральной и Восточной Европы: Монография / И.Г. Дудко, И.А. Гагаева. - М.: Юрлитинформ, 2013. - 278 с.

15. Калашников, С.В. Применение общепризнанных принципов и норм в сфере защиты прав человека в России: вопросы теории и практики / С.В. Калашников. - М.: ДМК Пресс, 2010. - 162 с.

16. Ковлер, А.И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека: монография. / А.И. Ковлер. - М.: ИНФРА-М, 2019. - 304 с.

17. Конституция Европейского союза. Договор, устанавливающий Конституцию для Европы: с комментарием / С.Ю. Кашкин. - М.: ИНФРА-М, 2005. - 619 с.

18. Международное право: учебник / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов. - М.: Статут, 2015. - 848 с.

19. Международное частное право: учебник / В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Н.Г. Доронина. - М.: КОНТРАКТ, 2018. - 848 с.

20. Международные трудовые стандарты и российское трудовое право: перспективы координации: Монография / Э.Н. Бондаренко, Е.С. Герасимова, С.Ю. Головина. - М.: Норма. 2016. - 255 с.

21. Нарутто, С.В. Конституционный судебный процесс: Учебник / С.В. Нарутто, С.Э. Несмеянова, Е.С. Шугрина. - М.: Норма, 2014. - 4331 с.

22. Пчелинцев, С.В. Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов / С.В. Пчелинцев. - М.: Норма, 2006. - 479 с.

23. Русинова, В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека: монография. / В.Н. Русинова. - М.: Статут, 2017. - 400 с.

24. Хабриева, Т.Я. Теория современной конституции: Монография / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. - М.: Норма, 2005. - 319 с.

Публикации в научных журналах, сборниках и СМИ

25. Абашидзе, А.Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера / А.Х. Абашидзе // Московский журнал международного права. - 2017. - № 4. - С. 19 - 29.

26. Алексанян, А.А. Реализация права народов на самоопределение в контексте принципа территориальной целостности государств / А.А. Алексанян // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2013. - № 4. - С. 63 - 67.

27. Ануфриева, Л.П. Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права» и jus cogens / Л.П. Ануфриева // Lex russica. - 2018. - № 12. - С. 37 - 47.

28. Балаян, Э.Ю. Международно-правовые принципы защиты прав и свобод человека и гражданина в условиях глобализации / Э.Ю. Балаян // Российская юстиция. - 2019. - № 11. - С. 18 - 21.

29. Бахин, С.В. Односторонние экономические «санкции» и

международное право / С.В. Бахин // Закон. - 2017. - № 11. - С. 162 - 175.

30. Бормотов, А.В. Угрозы государственному суверенитету в условиях правовой глобализации / А.В. Бормотов // Молодой ученый. - 2018. - № 33. - С. 89 - 99.

31. Валеев, Р.М. Кодификация права международных договоров (к 40-летию Венской конвенции о праве международных договоров) / Р.М. Валеев // Московский журнал международного права. - 2009. - № 2 (74). - С. 136 - 145.

32. Виноградова, П.А. Судебные правовые позиции по вопросам адаптации международных договоров в правоприменительной практике / П.А. Виноградова // Российская юстиция. - 2015. - № 4. - С. 20 - 24.

33. Головина, А.А. Конфликты правовых идей и концепций: конструктивные и деструктивные аспекты / А.А. Головина // Lex Russica. - 2018. - № 2 (135). - С. 30 - 44.

34. Дмитриев, В.С. Вопросы реализации верховенства прав человека / В.С. Дмитриев // Юридический мир. - 2014. - № 5. - С. 12 - 17.

35. Ершов, В.В. Прецеденты толкования Европейского суда по правам человека / В.В. Ершов // Российское правосудие. - 2007. - № 1. - С. 22 – 25.

36. Зорькин, В.Д. Обеспечение социальной справедливости и защита социальных прав граждан в конституционном правосудии / В.Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. - 2013. - № 3. - С. 9 - 15.

37. Исполинов, А.С. Нормы jus cogens в решениях национальных и международных судов / А.С. Исполинов // Российский юридический журнал. - 2014. - № 6. - С. 7 - 14.

38. Катамазов, А.В. Правовая характеристика статуса конституций в зарубежных странах / А.В. Катамазов // Конституционное и муниципальное право. - 2012. - № 6. - С. 22 - 26.

39. Ключников, А.Ю. Роль общих принципов международного права в определении свободы правоприменения международных судов / А.Ю. Ключников // Российский судья. - 2019. - № 6. - С. 61 - 64.

40. Ковлер, А.И. Национальное и универсальное в праве: от традиций

к постмодернизму (Обзор VII международного конгресса сравнительного правоведения) / А.И. Ковлер // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2018. - № 1. - С. 20 - 38.

41. Косолапов, М.Ф. Заключительные замечания квазисудебных органов ООН по правам человека: правовой статус и значение для национальных правовых систем / М.Ф. Косолапов // Вопросы российского и международного права. - 2017. - № 3. - С. 262 - 271.

42. Лукашук, И.И Международная безопасность государства и международное право / И.И. Лукашук // Безопасность Евразии. - 2003. - № 3. - С. 1 - 8.

43. Морозова, Л.А. Влияние глобализации на функции государства / Л.А. Морозова // Государство и право. - 2006. - № 6. - С. 105 - 106.

44. Нерсесянц, В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире / В.С. Нерсесян // Государство и право. - 2005. - № 5. - С. 38 – 47.

45. Ордина, О.Н. Международные акты, содержащие общепризнанные принципы и нормы международного права, как источники административного права / О.Н. Ордина // Административное право и процесс. - 2015. - № 3. - С. 65 - 77.

46. Перевалов, В.Д. Взаимодействие правовых систем: теоретические аспекты / В.Д. Перевалов // Российский юридический журнал. - 2014. - № 5. - С. 7 - 14.

47. Переплеснина, Е.М. Механизм реализации конституционных предписаний о включении в правовую систему России общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации / Е.М. Переплеснина // Международное публичное и частное право. - 2019. - № 3. - С. 38 - 42.

48. Рассказов, Л.П. Глобализация и ее влияние на современное российское право / Л.П. Рассказов // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. -

2015. - № 56. - С. 19 - 24.

49. Смирнов, С.С. Компенсация неиспользованного отпуска работнику «по-европейски» / С.С. Смирнов // Трудовое право. - 2018. - № 5. - С. 71 - 78.

50. Терентьева, Л.В. Установление содержания применимого права международным коммерческим арбитражем / Л.В. Терентьева // Третейский суд. - 2018. - № 1. - С. 218 - 228.

51. Тиунов, О.И. Суверенное равенство государств в системе основных принципов международного права / О.И. Тиунов // Журнал российского права. - 2014. - № 5. - С. 5 - 21.

52. Фоков, А.П. Современное понимание принципов международного права / А.П. Фоков // Российская юстиция. - 2016. - № 7. - С. 2 - 4.

53. Четвериков, А.О. Гражданство Европейского союза как правовая форма либерализации трансграничных общественных отношений между государствами - членами ЕС / А.О. Четвериков // Lex russica. - 2010. - № 4. - С. 860 - 872.

54. Шелтон, Д.И. Средства защиты прав человека в международном праве / Д.И. Шелтон // Государство и право. - 2004. - № 3. - С. 1 - 7.

55. Шугуров, М.В. Международно-правовой принцип всеобщего уважения и соблюдения прав человека как императив устойчивого развития / М.В. Шугуров // Международное публичное и частное право. - 2016. - № 2. - С. 7 - 11.

ОТЗЫВ НАУЧНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ
на бакалаврскую работу

студентки группы № 153ЮЮ52
юридического института
Пензенского государственного университета
Любавиной Ольги Геннадьевны
Тема: «Принципы международного права, их реализация и перспективы развития»

1. Актуальность, новизна темы. Актуальность темы выпускной квалификационной работы обусловлена тем, что реализация принципов международного права призвана обеспечивать мирное развитие мирового правопорядка и организационно-правовые механизмы их действия в национальных законодательствах.

2. Новизна работы заключается в том, что в ней предпринята попытка комплексного научного анализа проблематики реализации принципов международного права.

3. **Оценка полноты и качества выполнения задания на выпускную квалификационную работу.** Представляется, что автор работы достаточно полно раскрыл тему, рассмотрев как теоретические, так и практические аспекты поставленной проблемы.

3. Положительные стороны выпускной квалификационной работы. Работа имеет четкую, логичную структуру. План работы позволяет исследовать избранную тему в полном объеме. Достоинством работы является стремление автора рассмотреть предмет исследования в развитии и выявить проблемы реализации принципов международного права и перспективы их развития.

4. Замечания и недостатки по выпускной квалификационной работе. Работа выполнена на хорошем уровне. Замечания были устранены в ходе работы.

5. Рекомендации по использованию выпускной квалификационной работы Материалы и выводы работы могут быть использованы при разработке учебного курса «Международное право».

6. Самостоятельность и творческий подход при подготовке выпускной квалификационной работы. При проведении исследования автор проявила добросовестность и творческий подход, своевременно выполнял все задания научного руководителя.

7. Выпускная квалификационная работа Любавиной Ольги Геннадьевны соответствует установленным требованиям и может быть допущена к защите.

8. Дополнительная информация для ГАК:_____

Научный руководитель:

кандидат исторических наук,
доцент _____ Н.В. Логачева

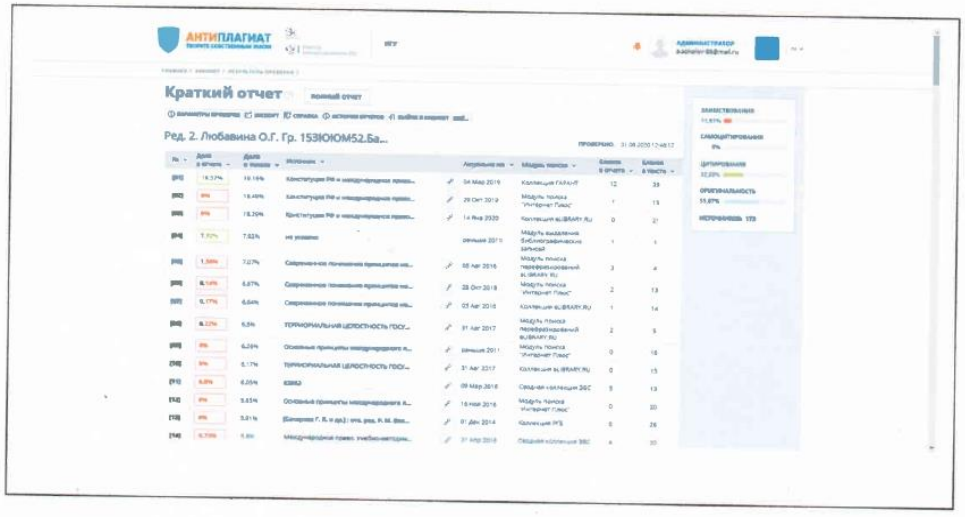
«_02» _июня_____ 2020 г.

Протокол

проверки на оригинальность в системе «Антиплагиат.ВУЗ» выпускной квалификационной работы на тему **«Принципы международного права, их реализация и перспективы развития»**

студента 5 курса О.Г. Любавиной направления 40.03.01 «Юриспруденция»

профиль Правозащитная деятельность



30.05.2020 *Руководитель ВКР/ Н.В. Логачева /*

(и.о.ф.)